

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Кафедра общей психологии

Психология речи

Методические указания по общей психологии

Ярославль 2004

ББК Ю 935.13
П 86
УДК 159.9 (075)

Составитель **А.В. Панкратов**

Психология речи: Метод. указания по общей психологии / Сост. А.В. Панкратов; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2004. 24 с.

Кратко и понятно изложены некоторые основные вопросы темы «Психология речи» курса «Общая психология». Цель издания - помочь студентам второго курса, изучающим данный предмет, разобраться в этих вопросах, которые недостаточно освещены в учебной литературе, и целостное представление о логической структуре которых трудно составить при чтении литературы специальной, дать ответы на вопросы, наиболее часто возникающие при прохождении курса. Естественно, работа с этими методическими указаниями – лишь первоначальный этап, который должен быть дополнен углубленным изучением рекомендуемой литературы.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 020400 Психология (дисциплина «Общая психология (речь)», блок ОПД), очной формы обучения.

Рецензент: кафедра общей психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

© Ярославский государственный университет, 2004

© А.В. Панкратов, 2004

Учебное издание

Психология речи

Составитель **Панкратов Александр Валерьевич**

Редактор, корректор А.А. Антонова
Компьютерная верстка С.И. Савинской

Подписано в печать 13.09.2004 г. Формат 60×84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 100 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.
Отпечатано на ризографе.
Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Тема 1. Происхождение и свойства человеческой речи

В исследованиях зоопсихологов давно показано, что животные, общаясь, могут выразить лишь свои собственные эмоциональные состояния, намерения, требования. Главная же особенность человеческой речи заключается в том, что человек способен в свое сообщение вместить нечто внешнее, сказать что-то о каких-то предметах, их свойствах и отношениях. Попытаемся разобраться в том, как сформировалось это приобретение человечества, полностью изменившее не только общение людей, но и все формы их активности, превратившее их в разумных существ, обладающих сознанием.

Мы познаем окружающий мир, взаимодействуя с ним, преобразуя его. В ходе этого взаимодействия мы выявляем его свойства, объединяем эти свойства в предметы по принципу относительной неизменности. Как показано в исследованиях *Ж. Пиаже*, постоянство предметов формируется у ребенка не сразу. На каком-то этапе развития кукла, которую убрали за ширму и вновь достали оттуда, – уже другая кукла. Важно понять, что каждый из нас создает свой собственный мир, наполненный этими «сгустками» взаимодействия, которые мы объединяем в предметы, и то, какой мы создаем мир, из каких он будет состоять предметов, в каких они будут находиться отношениях, зависит от нас, от наших свойств, от характера наших действий. Материя, конечно, объективна, но мир, который мы строим, взаимодействуя с ней, изначально субъективен. Отдельно от нас предметов не существует. Например, в моем мире существует предмет «деревянный стол» – это часть мира, в которой я нахожу свойства, позволяющие, скажем, удобно положить на нее книжку. Этот предмет отделен от другого предмета – деревянного пола, который я использую для того, чтобы по нему ходить. А у червяка, который питается древесиной, мир совсем другой, состоящий из других предметов. Вот он прогрыз ход в деревянной половице и продолжает свой путь в ножку стола, особых оснований для того, чтобы делить окружающую его деревянную среду на предметы, у него нет, разве что вкус немного изменился.

Это, так сказать, крайний случай, но ведь и люди – тоже разные, и изначально у каждого человека свой собственный мир, наполненный

его собственными предметами, состоящими из свойств, выявленных в ходе его взаимодействия с действительностью. Таким образом, если мы попытаемся передать в своем речевом сообщении что-то о событии в окружающей нас с собеседником ситуации или, тем более, о событии, свидетелем которого один собеседник был, а другой не был, нам не удастся достичь взаимопонимания, мы будем говорить о разных вещах, у нас не будет общего языка. Чтобы речь стала понятной, собеседники должны как бы «вытащить себя» из значений слов, оставив в них только общие и существенные для всех общающихся свойства, да и сами предметы, из которых состоит мир, должны стать общими для общающихся людей, состоять из свойств, существенных для их общих деятельности.

Чтобы разобраться в том, как человечество, вырабатывая в ходе своей истории человеческую речь, решило эту проблему, посмотрим, как подобная проблема решается в детстве каждого отдельного человека. В работах Ж. Пиаже показано, что ребенок изначально *эгоцентричен*, то есть не способен, воспринимая что-либо, осознать, что он воспримет это со своей точки зрения, учесть, что у других людей могут быть другие точки зрения, что кто-то может не видеть того, что он видит, не знать того, что он знает, и, наоборот, видеть и знать то, что он не видит и не знает. Например, ребенка просят нарисовать макет средневекового замка, стоящий на столе. Затем его просят нарисовать этот замок так, как его видит кукла, которая сидит сбоку. Ребенок делает точно такой же рисунок. В своих ранних работах Пиаже ввел термин «эгоцентризм» потому, что считал, что для сознания ребенка в этом возрасте характерно то, что он мыслит себя находящимся в центре мира, а мир воспринимает как какой-то кинофильм на окружающем его сферическом экране, то есть *других* с их точками зрения попросту не существует, все это иллюзия. Но вскоре Пиаже понял, что на самом деле ситуация прямо противоположная, ребенок, наоборот не видит *себя* в этом мире, рассматривает выделяемые им предметы как «самостоятельно» существующие: не «я подошел ближе к картине», а «картина приблизилась и стала больше». Эгоцентрична и речь ребенка, он говорит непонятно для окружающих. Как же преодолевается детский *эгоцентризм*, как формируется *рефлексивное* сознание? Интересно, что, по Пиаже, решающую роль здесь играет общение не с рефлексивными взрослыми, а с такими же эгоцентричными детьми. В

самом деле, когда малыш говорит бабушке: «Дай мне её!», рефлексивная бабушка переходит на точку зрения ребенка, смотрит на ситуацию его глазами, прикидывает, в чем он может испытывать потребность в данный момент, и правильно угадывает, что за «её» он требует. Совсем другое дело, когда малыш оказывается в песочнице с такой же эгоцентричной сверстницей и обращается к ней с тем же высказыванием. Ему требовалась лопатка, а для девочки эта «она», которую требуют, – кукла. Важно, что ребенок, постоянно попадая в подобные проблемные ситуации непонимания, постепенно осознает, что, оказывается, существуют другие люди с другими точками зрения. Но самое важное открытие он делает, когда понимает, что раз существуют другие люди, каждый из которых видит мир по-своему, то существует и особый человек – он сам, у которого есть руки, ноги, глаза, а главное, – своя собственная точка зрения!

По Пиаже, главное условие преодоления эгоцентризма, формирования рефлексивного сознания – это то, что человек должен вступить во взаимодействие с другими людьми, сама задача организации совместной деятельности требует построения общей ситуации, наполненной общими предметами, которые, так же как их действия, свойства и взаимоотношения, обозначены какими-то знаковыми формами, например словами, одинаково понимаемыми общающимися.

Попробуем представить себе, как же это произошло в ходе антропогенеза. Очевидно, нашими предками были приматы с достаточно развитым мозгом, ведущие стадный образ жизни и, следовательно, очень общительные, с ярко выраженной преобразующей направленностью в отношении к действительности. Что же заставило их вступить в отношения взаимодействия, организовать сложные формы совместной деятельности, характеризующиеся не только объединением усилий, но и их разделением, координацией и специализацией? В таких деятельности для того, чтобы что-то получилось, кто-то должен сказать: «Ты делай то, а ты делай это», в них нужно рассказывать об увиденном, и невозможно это сделать, лишь выражая свои эмоции по поводу пережитого, нужно, воспользовавшись общепринятыми средствами, отразить в акте коммуникации модель оречевляемой ситуации так, чтобы она была понята слушающими. По всей видимости, наши предки оказались в какой-то сложной ситуации, которая заставила их изменить образ жизни. Выжили и впоследствии составили

нынешнее человечество те, кому удалось наладить сложные формы взаимодействия и выработать сложные коммуникативные системы их организации. Посмотрим на образ жизни наших ближайших родственников – человекообразных. Шимпанзе (наиболее близкие к нам из приматов) обитают в джунглях, среди деревьев, увешанных вкусными и питательными плодами. Чтобы собирать эти плоды, особого взаимодействия не требуется. Так же, очевидно, жили и наши предки. Память об этом периоде истории человечества, очевидно, отразилась в архетипическом (по *К.Г. Юнгу*) образе «райской жизни». Но вот что-то случилось, скорее всего, наступило оледенение. В тропиках климат мало изменился, но на широких просторах Африки и Евразии плодородные деревья исчезли, господствующим ландшафтом стали саванны, степи, или, севернее, лиственные и хвойные леса, и в этих условиях, очевидно, выжили приматы, оказавшиеся способными отказаться от вегетарианства и приступившие к добыче пропитания охотой. А к успешной охоте гуманоиды слабо приспособлены: у них нет ни быстрых ног, ни острых зубов и когтей. И, соответственно, выжили те, кто смог компенсировать эти недостатки организацией сложных форм совместной деятельности для добычи дичи (одни разведывают и рассказывают, другие загоняют, третьи ждут в засаде); сооружением загоронок, куда загоняли добычу, и т.п. Гораздо позже начали развиваться и более сложные формы взаимодействия, связанные, например, с аграрной практикой.

Таким образом, человеческая речь создавалась людьми для организации совместного взаимодействия с миром, и это отразилось на ее устройстве, но одновременно коренным образом изменились и отражательные, регулятивные, коммуникативные механизмы человеческой психики, они стали вербально опосредованными.

Литература

1. *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 412 с.
2. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979.
3. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. СПб: Союз, 1997. 254 с.
4. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 660 с. (и др. издания).
5. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 328 с.

Тема 2. Вербальное опосредование

Люди, включенные во всевозможные виды совместной деятельности, общаясь, создали свой общий мир, так что каждый из нас, выстраивая собственный мир, опирается не только на свой опыт взаимодействия с действительностью, но и на опыт, накопленный человечеством и зафиксированный во всевозможных знаковых формах. Важно, что этот опыт максимально освобожден от субъектности, что в нем сохраняется все общее и существенное для людей данной культуры. Этот общий опыт существует в культуре, и люди, решая всевозможные жизненные задачи, формируя новые знания и новые способы действия, используют этот опыт. Таким образом, взаимодействие с миром человека, выросшего в обществе, не непосредственно, а опосредовано общечеловеческими знаниями. Естественно, опосредована и отражательно-регулятивная сторона этого взаимодействия, то есть человеческая психика.

Формы этого опосредования в настоящее время интенсивно исследуются в современной когнитивной психологии в ходе изучения репрезентации в когнитивных структурах человека окружающей действительности, то есть того, как мир представлен в человеческой психике. *Д. Брунер*, один из основателей когнитивной психологии, выделяет следующие виды репрезентации: двигательную, образную и вербальную, но этот список может быть расширен. Например, представители Вюрцбургской школы считали, что истинное мышление бессловесно и безобразно, его содержание – это переживание так называемых логических интенций, то есть непосредственно логических соотношений между элементами решаемой задачи. В исследованиях другого специалиста по психологии мышления – *Л. Секея* было показано, что в период «творческой паузы», предшествующей инсайту, нахождению решения, важнейшую роль играют презентации, которые организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений о внешнем мире и соматических ощущений. А поскольку человек – ярко выраженное общественное существо, и первые впечатления о мире он получает, находясь в непосредственном контакте с матерью, и все потребности удовлетворяются в ходе общения с ней, то важнейшими глубинными репрезентативными механизмами являются так называемые «взаимоотношенческие», человек отражает события, происходящие в мире, даже не включающие действующих субъектов, используя усвоенные схемы взаимоотношений между людьми.

Итак, в психике человека существует большое количество репрезентационных механизмов, в зависимости от личностных особенностей их соотношение различно. В соответствии с решаемой задачей одна и та же действительность может быть репрезентирована с помощью различных схем: действенных, образных, словесных, взаимоотношенческих и т.д. Более того, в ходе решения одной задачи, как это было показано в исследованиях *Е.В. Коневой*, содержание задачи может постоянно переопосредоваться, это позволяет выявить и включить в мыслительный процесс новые свойства элементов задачи. *Ю.М. Лотман* полагал, что творчество, создание чего-то нового как в культуре, так и у индивида возможно только благодаря тому, что имеет место перевод знаний с одного языка репрезентации на другой.

Механизмы эти сугубо индивидуальны, каждый человек осмысливает реальность в своих собственных кодовых системах, как это было выявлено в исследованиях *Н.И. Жинкина*. В соответствии с этим, телепатия, то есть непосредственная передача мыслей от одного человека к другому, в принципе невозможна. В дальнейшем, когда мы будем рассматривать процесс порождения речевого высказывания, станет видно, какой большой работы требует решение задачи переформулировать, переопосредовать свою мысль таким образом, чтобы собеседник понял отражающее ее высказывание. Репрезентационные механизмы человек строит самостоятельно в ходе решения различных жизненных задач, но использует при этом обобщенные схемы, существующие в его культуре. Каждое общество располагает своеобразным языками, в «словари» которых входят совокупности обобщенных действий, образов, форм взаимоотношений между людьми, и усвоить эти языки – сложнейшая задача, решаемая каждым человеком в ходе его развития и социализации. В список литературы, рекомендуемой *З. Фрейдом* ученикам, входили лишь произведения античных классиков, поскольку в них, по его мнению, в наиболее ясной и исчерпывающей форме зафиксированы все человеческие жизненные ситуации и взаимоотношения. Другой своеобразный букварь, в котором ясно и доходчиво представлены эти вещи, – это многочисленные «мыльные оперы», сериалы, герои которых, кажется, только и занимаются тем, что выясняют эти самые отношения. Вот почему дети так внимательно смотрят эти фильмы.

Можно сделать вывод, что в человеческом мировосприятии обязательно участвуют различные репрезентационные механизмы. Но поскольку основная форма общения между людьми – словесная, то у современных людей наибольшую роль в этом играют схемы вербальной репрезентации. В некоторых теориях, отражающих общие закономерности развития психики, они рассматриваются в качестве единственных опосредующих механизмов. Так, согласно культурно-исторической теории развития высших психических функций *Л.С. Выготского*, человек рождается с набором «натуральных» психических функций, общих с животными. Это – непосредственное запечатление вместо специфически человеческих форм запоминания, мышление протекает как мысленное манипулирование элементами задачи, представленными в их чувственно воспринимаемых свойствах, как, например, у обезьян в исследованиях *В. Келера*, и т.д. Общаясь со взрослыми, ребенок усваивает человеческую речь, а именно, совокупность значений слов, существующую в культуре, и правила синтаксиса, по которым эти слова объединяются в высказывания. В значениях зафиксирован общечеловеческий опыт создания обозначаемых предметов, отражены их общие и существенные свойства, а в синтаксисе предложений закреплены выявленные человечеством логические связи между элементами различных ситуаций. Человек включает эти значения в свои психические процессы в качестве инструментов, превращающих его изначально натуральные психические функции в высшие, вербально опосредованные. По *Выготскому*, специфически человеческое, вербальное мышление как высшая психическая функция представляет собой оперирование усвоенными словесными значениями по законам логики, также интериоризованным из синтаксиса речевых предложений. *Л.С. Выготский* вообще предавал словесному значению огромную роль в развитии человеческой психики, он считал, его своеобразной элементарной единицей речи и мышления, отражающий их основные функции. Своим важнейшим открытием *Выготский* полагал выявление двух форм развития значения: макрогенеза – в филогенезе и в онтогенезе, когда человек усваивает значения и его речь становится осмысленной, а мышление – речевым, и микрогенеза – изменения значения «на пути от мысли к слову», то есть в процессах порождения и понимания речевых высказываний. Описание этих процессов, изложенное в 7-й главе книги *Выготского «Мышление и речь»*, изданной в 1934 г.,

более чем на 20 лет опережает открытие американскими исследователями *Н. Хомским* и *Дж. Миллером* генеративного принципа порождения речи, то есть того, что развернутое речевое высказывание не строится по «цепному» принципу за счет прибавления нового слова к уже произнесенным, а постепенно как целое разворачивается из некоей первоначальной ядерной структуры. К сожалению, книга Выготского вскоре после издания была изъята в ходе борьбы с педологией, и его открытие не стало достоянием мировой общественности.

В качестве основного механизма развития человеческой психики в теории Выготского рассматривается прямая интериоризация существующих в культуре словесных значений, а не самостоятельное построение субъектом собственных отражательных и регуляторных психических механизмов с использованием того, что существует в культуре. Это мешает последователям Выготского производить плодотворный анализ, например мыслительного процесса, суть которого – создание человеком чего-то нового, индивидуального, а не непосредственное вживание культурных образований по принципу «извне» – «внутри». Оптимальную методологическую основу для подобных исследований дает теория *С.Л. Рубинштейна*.

Тем не менее, словесное опосредование играет в человеческой психике очень большую роль. Переосмысление тех или иных событий в форме текстов дает возможность вместить в сравнительно небольшой объем весьма значительное содержание. Переосмысление ситуации, данной первоначально в чувственно-образном плане, в описывающее ее словесное высказывание позволяет поместить ее в сознание как элемент развитой иерархической структуры всевозможных текстов – описаний, сюжетов, точнее, даже просто отнести ее к тому или иному классу подобных описаний. Это, конечно, обедняет запоминаемую ситуацию, но позволяет сохранить ее в форме, фиксирующей наиболее важные ее аспекты, проигнорировать все несущественное. А вспоминая эту ситуацию, мы вновь наполняем ее чувственным содержанием, переопосредуем в образный план, но это содержание будет уже не конкретно пережитым, а также обобщенным, извлеченным из наших индивидуальных словарей образов, действий, отношений. С переходом к вербальным репрезентативным механизмам в ходе развития человека связан известный феномен «детской амнезии», заключающийся в том, что люди не помнят ничего, что было с ними

примерно до 3-х лет. По всей видимости, запомненное в то время изложено на других репрезентационных языках, которые мы уже забыли, овладев речью и сделав основным нашим «хранилищем запомненного» иерархическую семантическую систему словесных значений. Или же мы не то чтобы это забыли, а просто эти знания актуализируются совсем в других формах, чем наши нынешние «воспоминания», они присутствуют в качестве «фундамента» наших более поздних знаний. *Л.Н. Толстой* писал, что 90% того, что мы знаем о мире, мы узнаем в эти самые ранние годы.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с. С. 5 - 361.
2. *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 412 с.
3. *Конева Е.В.* Особенности индивидуальной классификации опыта в мышлении профессионала // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний. Ярославль, 1997.
4. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977. 262 с.
5. *Коул М.* Культурно-историческая психология. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. 432 с.
6. *Слобин Д., Грин Дж.* Психоллингвистика. М.: Прогресс, 1976. 350 с.
7. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. 598 с.

Тема 3. Исследование словесных значений. Основы психосемантики

Важнейшим свойством человеческой речи является ее членораздельность (в отличие, например, от мыслительного процесса, для которого, как показывает *А.В. Брушлинский*, характерно противоположное свойство – недизъюнктивность, то есть нерасчленимость). Речь можно

членить различным образом. Минимальной единицей принято считать морфему – минимальную единицу речевого высказывания, способную изменить его смысл. В звучащей речи морфемы выступают в виде фонем, в письменной – в виде графем. Следующей более крупной единицей является слово, которое лингвисты обычно определяют как минимальную значащую единицу речи, обладающей лингвистической и синтаксической цельнооформленностью. Слова в речи выполняют две функции: номинативную – быть именем конкретного предмета, его свойства или действия (в этом случае говорят о предметной отнесенности слова) и сигнификативную – обозначать обобщенный класс предметов, их свойств, действий и отношений. Но выразить какую-либо мысль, оречевить, вербализовать ситуацию, передать содержание какого-либо события может лишь речевое высказывание, состоящее из нескольких слов. Так как любое высказывание обязательно есть компонент процесса общения между людьми (в том числе и между, как минимум, между двумя субъектами внутри одного человека, например мной сегодняшним и мной будущим, мной – исполняющим и мной – контролирующим, и т.п.), *М.М. Бахтин* предлагал считать минимальной значащей единицей речи еще более крупную единицу – **диалогический такт**, состоящий не менее чем из трех высказываний – вопроса, ответа и возникшего нового вопроса. Строение речевых высказываний и механизмы их порождений мы обсудим в пп. 3. и 4, а сейчас займемся строением слова. Специфически психологическим аспектом анализа слова является рассмотрение его значения.

В психологии, лингвистике и в других науках существуют многочисленные понятия, описывающие то, что обозначено тем или иным словом. Наибольший интерес представляет значение в широком смысле, то есть все то, что связано в сознании человека или группы людей с данным словом, все, что включено в механизмы вербального опосредования. Исследованием значений занимается недавно сформировавшаяся наука психосемантика. Большой вклад в ее развитие в нашей стране внесла замечательный психолог *Е.Ю. Артемьева*. В ее работах психосемантика из науки, решающей довольно узкую задачу – разработать методы для изучения значений слов, превратилась в развернутую область знаний о субъективной картине мира человека, оснащенную богатым методическим аппаратом. Современная психосемантика исследует не только словесные значения, но в целом кате-

гориальные структуры человеческого сознания, используемые механизмы репрезентации.

Как же все-таки исследовать значение? Казалось бы, достаточно просто спросить человека, что значит то или иное слово. Но в своем ответе он назовет свойства, которые, с его точки зрения, понятны слушающему, то есть являются «общими». Это, как правило, так называемые денотативные свойства, то есть свойства обозначаемого, не зависящие от субъекта. Так мы проанализируем лишь степень усвоенности данным испытуемым общекультурного значения. Мы можем усложнить вопрос, попросив перечислить, для чего может быть использовано обозначаемое. В этом случае удастся выявить некоторые дополнительные свойства, связанные с теми деятельностью, в которые испытуемый включает то, что обозначает это слово. Но и в этом случае мы выявим только те компоненты индивидуального значения, которые испытуемый сможет нам передать словами в созданной нами коммуникативной ситуации. Огромный пласт невербализуемых деятельно опосредованных, эмоционально-оценочных компонентов значения окажется не вскрытым.

Поэтому в психосемантике для исследования значений обычно используется особая стратегия. Она основывается на следующих теоретических положениях:

1. Значение рассматривается как состоящее из элементарных единиц – свойств, называемых семами. Исследовать значение – значит выявить эти единицы.

2. Всякое значение существует лишь как элемент иерархической категориальной системы нашего сознания. По отдельности никакое значение существовать не может. Иными словами, всякое значение у нас относится, скажем, к живому или неживому, если к живому – то к животным или растениям, если к животным – то к хищникам или травоядным, если к хищникам – то к кошкам или собакам, и т.д. У каждого эти категориальные системы – собственные, что дает основания такой науке, как когнитивная психология личности, рассматривать в качестве основных личностных свойств присущие субъекту основания классификации, например, других людей. (В теории *Дж. Келли* эти основания, точнее, оси субъективного семантического пространства, о котором будет сказано ниже, называются личностными конструктами.) Эта категориальная система – чрезвычайно интересное об-

разование. Очевидны такие ее свойства, как мгновенная обозримость (поиск в ней ведется не по «линейному» принципу – от узла к узлу, а вся она воспринимается сразу, значение находится мгновенно). Другое ее свойство – мгновенная перестраиваемость. Стоит нам немного изменить отношение к рассматриваемому значению, рассмотреть его в новом контексте, как оно выступает включенным в другую систему связей, занимает другое место в иерархической системе. Все это заставляет задуматься над идеей некоторых нейрофизиологов о представленности в функционировании мозга голографических принципов. Еще одно ее свойство – полиопосредованность. В нашем сознании упомянутые выше образные, действенные, словесные и т.д. словари не существуют отдельно, они составляют единое целое.

В этой системе каждое отдельное значение реализуется через совокупность своих связей с другими значениями, эти связи существуют по принципу наличия элементарных общих свойств, сем. Отсюда описать значение – значит выявить его связи с другими значениями, а по характеру этих значений создать список сем, составляющих изучаемое значение, исходя из интенсивности этих связей, определить выраженность тех или иных элементарных свойств.

В соответствии с этим обычное психосемантическое исследование проводится следующим образом. Существует большое количество специальных психосемантических методик (основные мы рассмотрим ниже), которые позволяют выявить связи значения данного слова с другими. Общим результатом их использования является числовая матрица, в которой по вертикали и горизонтали выписаны слова, связи значений которых определяются, а в ячейках таблицы находятся числа, характеризующие близость исследуемых значений.

Следующий этап работы – «интуитивизация» полученной матрицы, в ходе которой при помощи различных способов математической обработки и графических построений решается задача сделать полученные результаты интуитивно ясными, непосредственно воспринимаемыми. Традиционно в различных психосемантических методиках используются в каждой особой приемы интуитивизации, но обработка результатов, принятая в одной методике, может быть использована для представления результатов, полученных в другой. Эти способы мы покажем в ходе описания основных методик. Иначе говоря, полученную цифровую матрицу можно обработать различными способами

в зависимости от целей исследования. Рассмотрим основные психо-семантические методы.

1. Старейшим методом исследования значений принято считать **ассоциативный эксперимент**. Он разработан в ассоциативной психологии, интенсивно применялся в психоаналитических целях (по «аффективной задержке» можно судить о «торможении» данной реакции испытуемым). Существует в двух формах: *метод парных* и *метод цепных ассоциаций*. Последний широко применялся криминалистами. Об интенсивности связи двух значений – предъявленного слова и того, которым ответил испытуемый, свидетельствует более короткое время реакции. Для многих языков созданы особые ассоциативные словари, в словарной статье которых приводятся слова, наиболее связанные с данным словом в порядке убывания частоты. Достоинство: «портативность», можно усадить группу испытуемых и диктовать им слова, пусть сами записывают ответы (правда, при таком проведении исследования теряются данные о времени реакции). Недостаток (и очень серьезный): в ответах испытуемых много слов, связанных с исследуемым не по интересующему нас «семантическому» основанию, а по другому, так называемому «синтагматическому» (о нем ниже), чаще всего воспроизводится сказуемое или определение к предъявленному слову – подлежащему, т.е. воспроизводится речевое высказывание.

2. **Метод семантического радикала**. В свое время А.Р. Лурия много работал над вопросом о связи психических процессов с различными физиологическими проявлениями. Как известно, именно он изобрел детектор лжи. На этих же принципах основывается предложенная им и Л.С. Цветковой методика. У испытуемого контролируются показатели расширения кожных сосудов, по которым можно определить, какую реакцию он в данный момент испытывает, ориентировочную или болевую. Долго читается список слов, до полного угашения ориентировочной реакции. Затем одно из слов подкрепляют довольно сильным ударом электрического тока и смотрят, какую реакцию вызывают другие предъявляемые слова. По характеру реакции – болевая или ориентировочная, а также по ее выраженности судят о степени связи значения этого слова со значением подкрепленно-

го. Результаты эксперимента представляются обычно в виде так называемого семантического поля – набора концентрических окружностей, в центре – подкрепленное слово, вокруг него на разных расстояниях слова, связи с которыми исследовались. Достоинство: результаты объективны, не зависят от сознания испытуемого, недостаток – некоторая громоздкость постановки эксперимента, можно выявить связи только одного слова и только с предъявленными словами.

3. *Метод семантического дифференциала (СД)*, часто рассматриваемый как самый эффективный и популярный метод анализа строения человеческого сознания. Интересно, что он был разработан Ч. Осгудом, представителем американского бихевиоризма, научного направления, отказавшегося от этого понятия. Осгуд считал, что его метод выявляет «репрезентирующие реакции». Метод основывается на оценке испытуемым исследуемого значения при помощи набора 7-балльных шкал, полюсами которых являются пары противоположных по смыслу прилагательных (в настоящее время метод иногда используется и в униполярном варианте). Метод был создан следующим образом. Осгуд отобрал в английском словаре 500 пар прилагательных – антонимов, по ним большая группа испытуемых прошкалировала также большое количество слов. В результате получился «куб» данных с осями «оценки», «объекты (значения)», «шкалы». По результатам интерпретации матрицы «объекты» – «оценки» каждое значение описывалось как точка, расположенная в 500-мерном пространстве с координатами, равными усредненным шкальным оценкам. Для сокращения размерности полученной структуры Осгуд воспользовался разработанным в дифференциальной психологии методом факторного анализа. Этот метод основывается на предположении, что отдельные измерения – это лишь частные проявления некоей действительно существующей размерности, каковую можно выявить, проанализировав корреляции между эмпирическими измерениями. Результаты факторного анализа обычно представляются в виде так называемой матрицы факторных весов, где в строках выписаны эмпирические переменные (в нашем случае – 500 пар слов), а столбцы соответствуют выделенным факторам – независимым друг от друга переменным, частными проявлениями которых являются эмпирические переменные. В ячейках находятся факторные веса – фактически коэффициенты корреляции факторов с переменными. В соответствии с

ними три основных фактора были интерпретированы Осгудом как факторы силы, оценки и активности. Для каждого из факторов были отобраны по четыре шкалы с наибольшими факторными весами. Так сформировался так называемый стандартный набор шкал Осгуда, основной компонент метода СД. Теперь любое значение можно прошкалировать по этим 12-ти шкалам и получить его координаты в трехмерной системе координат - «сила», «оценка», «активность». Основной формой представления результатов исследования является диаграмма такого трехмерного «семантического пространства», особенно интересно, когда в ней представлено несколько десятков исследуемых значений, в этом случае видно их взаимное расположение, близость и отдаленность, они образуют своеобразные «облака», и т.п. Используются и двумерные проекции этой диаграммы, а также «шкальные профили», представляющие из себя графики шкальных оценок, начерченные между двух колонок из названий шкал. По ним удобно проводить качественное сравнение изучаемых объектов.

Сам феномен «трехмерности» человеческого семантического пространства впоследствии проверялся на различных выборках испытуемых, на разных группах объектов. Количество факторов временем менялось, уменьшалось и увеличивалось, появлялись новые специфические измерения, в разных культурах одни и те же объекты имели различные координаты, но исходные осгудовские факторы все-таки были общими во всех проведенных исследованиях. Для конкретных целей исследователи создают собственные наборы шкал, используются и невербальные варианты СД, где полюсами шкал являются какие-то изображения.

4. Ранее мы писали о близости психосемантики и когнитивной психологии личности. Эти науки в настоящее время интенсивно обмениваются своими методами. Так, в технике репертуарных решеток *Дж. Келли* для выявления общих личностных конструктов на группе испытуемых часто используется СД Осгуда. А в психосемантике применяется разработанный Келли метод триадного сравнения. Набор сравниваемых значений расписывается на карточки по три таким образом, чтобы каждое значение побывало на одной карточке с любым другим. Испытуемому предлагается набор карточек, на каждой из которой напечатаны названия трех объектов, испытуемый должен отметить два самых похожих (близких, связанных) и два самых непо-

хожих, объяснив свой выбор. Результаты обсчитываются, строится обычная матрица близости, которая чаще всего обрабатывается с помощью математического классификационного алгоритма кластерного анализа. По результатам работы обычно выстраивается дендрограмма, древовидная структура, фактически моделирующая ту иерархическую категориальную структуру, о которой мы писали выше.

Литература

1. *Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М.: Изд-во МГУ, 1980. 128 с.
2. *Артемьева Е.Ю.* Семантические измерения как модели // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. 1991. № 1. С. 61 – 73.
3. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983.
4. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
5. *Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во МГУ, 1983.

Тема 4. Устройство речевого высказывания

До сих пор мы говорили о значении одного слова. Но слово способно выполнять только такие функции, как номинативная – быть именем чего-либо, и сигнификативная – обозначать что-то, то есть вводить его в иерархическую систему, в которой существуют все значения. Однако основные функции речи как средства общения: познавательные, коммуникативные, регулятивные, мыслеоформительные, может выполнить лишь целостное речевое высказывание, предложение. Оно может состоять из одного слова, в этом случае мы имеем дело с высказыванием, в котором остальные его компоненты не произносятся, подразумеваются. Но в общем случае высказывание состоит из нескольких слов, которые выполняют в нем определенные функции и объединены во фразу какими-то связями. Это те самые связи, которые, наряду с семантическими, постоянно актуализируются в ас-

социативном эксперименте. Свойство слова ассоциироваться с другими словами, вместе с которыми оно составляет высказывание, называется *валентностью*.

Речевое высказывание представляет собой цепочку, состоящую из отдельных элементов, развернутую во времени. Подобный принцип организации чего-либо принято называть *синтагматическим* (от греческого синтагма – цепочка). Этот принцип противопоставляется другому – *парадигматическому* принципу. Парадигма по гречески – противостояние. Вспомним, что всякое значение определяется в нашей иерархической семантической системе через отнесение его к той или другой противостоящей категории, например, мы решаем, живое это или не живое, животное или растение, хищник или травоядное, и т.д. Термин «парадигма» иногда используется для обозначения основополагающих понятий. В этом отражается тот факт, что и понятия построены именно на основе парадигматического принципа. Основное свойство синтагматического принципа – сукцессивность, протяженность во времени, а парадигматического – симультанность, одномоментность, одновременная представленность всей структуры, организованной по этому принципу. Различается и локализация мозговых механизмов, реализующих эти процессы. За парадигматику отвечают затылочные доли мозга, то есть те, в которые непосредственно проецируется зрительный образ – типичное парадигматическое формирование. А организацией протяженных во времени процессов занимаются лобные доли. При нарушениях их работы снижаются способности человека планировать свою активность, регулировать ее за счет использования механизмов обратных связей, и т.п. Люди с выраженной дисфункцией лобных долей не задумываются о будущем, они беззаботны, у них всегда хорошее настроение.

Таким образом, в организации речевого высказывания обязательно участвуют оба принципа: оно представляет собой развернутую во времени структуру, организованную синтагматически и наполненную словами, значения которых суть элементы парадигматической категориальной системы нашего сознания. Набор элементов, из которых состоит высказывание, приспособлен для передачи содержания наиболее часто встречающихся в человеческой практике жизненных ситуаций. Общепринято выделить в структуре высказывания следующие основные компоненты:

1) *субъект* высказывания (подлежащее) – имя того, кто производит какое-то действие, чаще всего он известен собеседнику, то есть субъект – это то, о чем идет речь.

2) *предикат* высказывания (сказуемое) – действие субъекта, изменение в оречевляемой ситуации, нечто неизвестное собеседнику, то есть то, что сообщается в высказывании.

Кроме того, в состав предложения может входить *объект* (дополнение) – то, на что направлено действие субъекта, *определения* – описания свойств субъекта, предиката и объекта и другие элементы.

В разных языках существуют различные средства для организации синтагматических структур высказываний, придания их элементам перечисленных выше функций. Например, в английском предложении субъект высказывания отличается от объекта за счет того, что располагается перед ним. В русском языке, в котором развита система падежных окончаний, это правило необязательно. Изучением языков с целью анализа существующих в них средств построения высказываний занимается особая наука – структурная лингвистика, основателем которой считается американский исследователь *Н. Хомский*.

В культуре существует набор так называемых синтагматических матриц, своего рода схем событий, которые организованы при помощи языковых средств и могут быть наполнены конкретными значениями. Характерный пример предложен *Л.В. Щербой*: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». Это, так сказать, пустая синтагма, точнее, наполненная случайным содержанием. Но используемые при построении этого предложения синтаксические связи позволяют определить отношения между элементами описываемой ситуации.

Таким образом, речевые средства в основном приспособлены для передачи наиболее часто встречающейся ситуации типа «кто-то что-то делает». При необходимости выразить в речевом высказывании более сложные отношения, не представимые в наглядной форме, люди обычно переосмысливают их, выстраивая событийную ситуацию, например: «Зима ушла, пришла весна», «Я сделал вывод из этой логической посылки». Кроме того, в языках существуют и специальные речевые средства коммуникации логических отношений.

Литература

1. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
2. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
3. *Шабес В.Я.* Событие и текст. М., 1989.

Тема 5. Порождение речевых высказываний

В вопросе о том, как человеком порождаются речевые высказывания, долгое время господствовала так называемая «поверхностная схема», разработанная в ассоциативной психологии. В соответствии с ней произнесенное человеком слово вызывает ассоциативно связанное с ним следующее слово, и так последовательно выстраивается целостное высказывание. Бихевиористы придерживались, в общем, той же точки зрения, они считали, что каждое речевое высказывание порождается в соответствии с закономерностями актуализации моторного навыка. Получалось, что человеку для того, чтобы научиться говорить, нужно заучить огромное количество фраз на все случаи жизни.

Перелом в западной психологии произошел, когда американский лингвист *Н. Хомский* в конце 50-х годов прошлого века предложил теорию «генеративных грамматик». Согласно ей любая фраза в любом языке существует первоначально в виде так называемой ядерной структуры, общей для всех языков и отражающей основные отношения в оречевляемой ситуации. При помощи языковых средств, присущих данному языку, это ядро разворачивается в полноценное речевое высказывание. Изучением этих средств, игнорируя лексику, должна была заниматься особая основанная Хомским наука – структурная лингвистика. Американский психолог *Дж. Миллер* в своих экспериментах доказал, что эти преобразования психологически реальны, то есть имеют место в процессе порождения человеком любого высказывания. Таким образом, на смену старой, «поверхностной», схеме пришла новая, основанная на модели «глубинного порождения». В соответствии с ней в психике человека, решившего оречевить какую-то ситуацию, первоначально присутствует глубинная ядерная схема этой ситуации, на основе которой он должен, последовательно используя речевые средства, построить развернутое поверхностное

высказывание. Изучением этих процессов занялась новая наука – психолингвистика. Бихевиористы, в свою очередь, усовершенствовали свою схему порождения, наибольший вклад в это внес *Ч. Осгуд*.

В России, как мы уже отмечали выше, *Л.С. Выготский* еще в 30-е годы XX века, изучая процесс микрогенеза значения «на пути от мысли к слову» создал свою генеративную модель, описанную им в 7-й главе книги «Мышление и речь». В соответствии с ней процесс порождения речевого высказывания проходит ряд этапов. Начинается он с появления мотива высказывания, а затем замысла высказывания. Важно, что по Выготскому это не готовая мысль, для выражения которой нужно только подобрать слова. «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове». Эта мысль – диффузное, симультанное, глубоко индивидуализированное образование, для описания последовательных преобразований которого, выделения предиката, Выготский использует разработанную в гештальтпсихологии мышления схему фигуру-фоновых отношений. Особую роль в процессе порождения играет следующий этап – внутренней речи. Выготский перешел от обычного в его время рассмотрения внутренней речи как феномена к отношению к ней как к этапу в ходе движения от мысли к слову и обратно. На основе разработанной Выготским теории о формировании внутренней речи через интериоризацию эгоцентрической речи ребенка, описанной *Пиаже*, были проведены исследования, выявившие ряд важнейших свойств внутренней речи. В первую очередь, это ее чистая предикативность (нет необходимости сообщать себе что-то о субъекте высказывания, он очевиден, внутриречевые высказывания состоят в основном из предикатов), свернутость, сокращенность, идеоматичность, индивидуализированность, особый синтаксис и др. Этап внутренней речи заканчивается построением так называемого семантического плана, в котором содержатся уже все компоненты будущего высказывания, объединенные смысловыми связями. Остается только подобрать слова для обозначения этих компонентов, отношения между ними теперь нужно выразить при помощи словесного синтаксиса.

Впоследствии схема Выготского была дополнена в работах *А.А. Леонтьева*. В частности, в его схеме на этапе, соответствующем этапу внутренней речи у Выготского, решается задача внутреннего программирования будущего высказывания, на уровне семантического плана параллельно совершаются два процесса – лексического развертывания и грамматического конструирования, формирующих, со-

ответственно, парадигматические и синтагматические структуры высказывания.

Еще большее развитие эта идея получила в работах *Т.В. Ахутиной*. Свои исследования она проводила в клинике, анализируя изменения речи у больных с поражениями различных участков головного мозга. На их основе ею была предложена схема порождения речевого высказывания, в которой формирование синтагматических и парадигматических структур происходит параллельно уже на всех уровнях. Кроме того, Т.В. Ахутина выявила важнейшую роль механизма обратной связи в ходе порождения. Все, созданное на очередном уровне, «произносится», затем «выслушивается», то есть сравнивается с тем, что было на предыдущем уровне. И только в том случае, если это содержание было «понято» и было выявлено соответствие имеющегося задуманному, совершается переход на следующий уровень. Эти циклы обратной связи буквально пронизывают предложенную схему, что еще раз показывает, что процессы порождения и понимания речи имеют одну природу, всегда совершаются совместно.

Сравнивая две описанные концепции, «поверхностную» и «глубинно-генеративную», можно отметить, что генеративная модель, конечно, хорошо описывает порождение совершенно нового текста. Но и «поверхностную» нельзя считать совсем уж неправильной, ведь в своей жизни человек накапливает большое количество готовых фраз, актуализация которых в соответствующих условиях представляет собой репродуктивный процесс, не требующий большой генеративной работы.

Литература

1. *Ахутина Т.В.* Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1989.

2. *Ахутина Т.В.* Нейропсихологический анализ динамической афазии. О механизмах построения высказывания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2002.

3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с. С. 5 - 361.

4. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

5. *Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структуры поведения. М., 1965.

6. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М.: Прогресс, 1976. 350 с.

7. Ушакова Т.Н. Проблема внутренней речи // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 39 - 51.

Контрольные вопросы

1. Отличия человеческой речи от общения животных. Почему речь появилась только тогда, когда люди включились в совместную трудовую деятельность?

2. Что такое вербальное опосредование? Как оно влияет на человеческое познание?

3. Методы исследования значения. Основная задача и принцип исследования. Чем занимается наука психосемантика?

4. Как устроено речевое высказывание?

5. Отличия «поверхностных» и генеративных моделей порождения речевого высказывания. Основные этапы этого процесса, выделяемые различными исследователями.

Содержание

Тема 1. Происхождение и свойства человеческой речи	3
Тема 2. Вербальное опосредование.....	7
Тема 3. Исследование словесных значений.	
Основы психосемантики	11
Тема 4. Устройство речевого высказывания	18
Тема 5. Порождение речевых высказываний	21
Контрольные вопросы	24

Психология речи

